

СТЕПНОЙ ВЕТЕР

(Путевые заметки о Калмыкии)

Пряный ветер кружил голову, волновал бескрайнее бирюзовое море ковыля. Мы стояли на высоком берегу Ахтубы - там, где когда-то возвышались крепостные стены, дворцы и минареты легендарной столицы Золотой Орды - города Сарай-Бату. От крупнейшего города средневековой Европы не осталось практически ничего - только хрустели под ногами черепки, да смутно угадывались в травяном море оплывшие остатки крепостных валов...

Взгромоздив тяжелые рюкзаки на багажники наших велосипедов, мы двинулись дальше, к переправе через священный Итиль. Маунтинбайки, залепленные грязью по самые седла, медленно пережевывали губастыми шинами извилистую дорогу, почти непроходимую после весенних дождей. Поправляя груз, сбившийся на ухабистой тропе, вспоминали старинное напутствие кочевников: "Пусть выюки ваши будут уравновешены!"

Итиль, или Волга, стала "русской рекой" сравнительно недавно - в XVIII веке. Как раз в те годы, когда джунгары, потерпев поражение от китайских войск, двинулись на Запад. Петр Первый радушно встретил джунгарского хана Аюке, и позволил тому поселиться вместе со своим народом в низовьях Волги. Так возникло Калмыцкое ханство.

Свернув с трассы Волгоград-Астрахань, мы оказались в настоящей пустыне. Дорога то взбиралась на барханы, то огибала их стороной. Колеса вязли в песке, по сторонам торчали корявые кусты саксаула, проснувшиеся змеи ручейками струились в жесткой траве. Ночевали в распадках между барханами, укрывшись от ветра. Воду везли с собой, топливом служили саксаул и кизяк.

На третий день пути по пескам завернули на точку, как местные жители называют фермы в пустыне. В ответ на просьбу набрать воды хозяин, пожилой казах Срым, не только наполнил наши фляги, но и предложил переночевать в его доме. Невзрачная с виду глинобитная постройка внутри оказалась настоящим дворцом - пол устлала мягкие ковры, а стены были расписаны изображениями мусульманских святынь Мавераннахра - Хивы, Самарканда, Бухары. Срым и его сосед, даргинец Ильяс, принесли множество старинных вещей, найденных в пустыне. Запомнились медная нагрудная бляха, выполненная в скифском зверином стиле, и серебряная монета начала XIV века, времен хана Узбека.

- Специально не ищем, - оправдывался Ильяс, - овцы копытами поднимают...

Срым и Ильяс снабдили нас в дорогу всем необходимым, и мы двинулись дальше, в сторону трассы на Элисту. К вечеру впереди

показались домики придорожных кафе, заправочная станция, пост ГИБДД. Пустыня осталась позади...

Заночевали в брошенном строителями вагончике, куда пустил нас хозяин кафе - сил двигаться дальше уже не было. А с утра началось утомительное движение в сторону калмыцкой столицы. Ветер бил слева, мешая ехать, порою просто выдавливая на обочину. На второй день пути, к вечеру, въехали в Яшкуль - крупный калмыцкий поселок. Яшкульский хурул, как и все храмы Калмыкии построенный недавно, встречал яркими красками Востока посреди серых улочек поселка. Лама Лувсын, в прошлом учитель-краевед, увлеченно рассказывал о славном прошлом калмыков.

- Только три народа вошли в состав России со своей письменностью - это грузины, армяне и калмыки. А калмыки - еще и со своей конституцией!

День Победы встретили на элистинской трассе, у поворота на Улан-Эрге. Кафе и магазины не работали, и мы подкреплялись оставшимися сухарями и солоноватой водой из чабанского колодца. Неожиданно из поселка приехала хозяйка кафе, калмычка Надежда. На столе появилось огромное блюдо махана – баранины с картошкой, калмыцкий чай с солью и молоком.

- Угощайтесь, ребята! – улыбалась Надежда, - Набирайтесь сил, и – Белой вам дороги!

На ночлег остановились на берегу большого озера. Галдели лягушки, из зарослей тростника тяжело поднимались в закатное небо утки. Пологими волнами уходила за горизонт возвышенность Ергени, куда завтра нам предстояло взобраться.

Утром ветер переменился, и горячий поток бил теперь прямо в лицо. Отдыхали каждые 5 км, на подъемах девушки шли пешком. К обеду натянуло облака, стал накрапывать дождь. Насквозь промокшие, сжимая одеревеневшими пальцам рули велосипедов, мы въехали в Элисту.

Две сердобольные женщины пустили нас на ночлег в гостиницу для железнодорожников. Одна из них, Вера Андреевна, пригласила к себе домой, просушила вещи и накормила.

Утром сияло солнце, весело перекликались птицы. Мы отправились в центр города, где недавно был построен новый хурул. Громада храма, увенчанная золотыми субурганями, возвышалась над преимущественно одноэтажным городом.

Элистинский хурул, не уступающий по размерам храму Христа Спасителя в Москве, выполнял те же функции не только религиозного, но и культурно- просветительского центра.

В нижних этажах хурула разместились музей и библиотека. В прохладном полумраке ламы неспешно переворачивали узкие

страницы священных книг. Из ниши между стеллажами улыбался золотой Будда...

Директор краеведческого музея, Евгений Раститович Матвенов, узнав, что мы с дороги, сначала накормил нас в ресторане национальной кухни, и только потом пригласил осмотреть музей.

Экскурсовод, пожилая, энергичная женщина, рассказывала об истории своего народа. Поражали воображение расстояния, которые проходили кочевники: из Западной Монголии - на Волгу, потом - обратно.

- "Калмыки" - значит "оставшиеся". Те, кто не вернулся в Джунгарию, стали так называть себя, - говорила экскурсовод.

"Оставшиеся..." Оставшиеся жить на этой суровой земле, пропитавшие ее своей кровью, а потом - изгнанные, рассеянные по Сибири и казахским степям в 1943 году... Но депортация не сломила калмыков. Тайно уносили они с собой святыни из разрушенных хурулов, и древняя вера объединяла народ в годы изгнания.

"Оставшиеся..." Оставшиеся в живых после гражданской войны, жестоких репрессий, бесконечных переселений. А сейчас - "вернувшиеся" - вернувшиеся на пустынную, горячо любимую Родину, поднимающие из руин храмы и монастыри, возрождающие традиции...

На съемочной площадке царил обычная шумная суета. Актеры, игравшие гостей на свадьбе, за много дублей изрядно выпили, и плохо реагировали на команды режиссера. Новая монгольская юрта, арендованная съемочной группой у краеведческого музея, белым пятном выделялась на фоне декораций, изображающих калмыцкую ферму. Дождавшись окончания съемок, мы с Евгением Раститовичем, начали разбирать юрту. Складывали решетки, увязывали жерди-унины. Забрасывая в машину тяжелую кошму, мы посмотрели друг на друга и засмеялись – директора музеев, как простые кочевники, возятся с пыльной юртой!

Маневровый тепловоз медленно тащил единственный вагон с табличкой «Элиста-Москва». Растаял в дымке город, и золотые крыши хурула словно плыли в горячем воздухе. За окном вагона колыхалось бескрайнее бирюзовое море ковыля, пели жаворонки, и пряный ветер кружил голову, под стук колес нашептывая древние буддийские мантры...

Поезд «Элиста-Москва», 12 мая 2007 года.